

- ¹⁸ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч.1. С.259.
- ¹⁹ РГИА. Ф.387 Оп.2. Д.10950. Л.167; Корнилов. Прибавления к замечаниям о Сибири. СПб., 1829. С.23.
- ²⁰ Записки путешествия академика Лепехина. С.75 – 76.
- ²¹ Туров С.В. Применение огня в хозяйственном быту русских крестьян Западной Сибири в XVII – перв. пол. XIX вв. // Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень, 1994. С.87 – 89.
- ²² Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования крестьян Сибири в XVIII – первой пол. XIX вв. Новосибирск, 1991. С.170.

Г.Н. Чагин

ПУДЬВИНСКАЯ ЛАВРА

удьва — приток Меля, впадающего в Язьву-реку, и деревня на берегу одноименной реки, основанная в первой четверти XIX в. родом Степана Паршакова, переселившимся из древней коми-язьвинской д. Паршаковой¹. По преданиям, еще не забытым в наши дни, в пудьвинских местах сначала поселились женщины. Стража, которая их обнаружила, потребовала, чтоб они привели жить своих родственников из д. Паршаковой. Они так и поступили, иначе бы не имели

возможность обосноваться в отдалении. Но некоторые возвратились на родину, жить остался только Степан Паршаков. Он получил надел в 7 статей, так как имел семерых сыновей.

Путешественник, побывавший здесь в начале XX в., писал: «В замечательно живописной местности заброшена эта деревенька,

служащая центром раскольничьего мира Чердынского и Соликамского уездов. Природа здесь щедро рассыпала свои главные украшения: быстрюю горную речку, шумно пенящуюся по «дну из камней разноцветных», лес, хвойный и лиственный, и отвесные скалы. Все это перемешано в самом поэтическом беспорядке»².

Из местных преданий известно, что около 1790 г. пудвинские места привлекли старообрядцев из нижнетагильских скитов. Усилиями инок Венедикта и его последователями (примечательно, что один был уроженцем верх-язвинской деревни) местные жители — коми-язвинские пермяки — стали переходить в формирующиеся старообрядческие беглопоповские общины-соборы. В д. Пудьва был основан мужской, а в д. Талица женский монастыри. В 1838 г. число старообрядцев в верх-язвинских деревнях достигло 350 человек³. Несмотря на разгром монастырей полицией (по одним данным в 1838 г., по другим в 1842), старообрядческое население верх-язвинских деревень продолжало увеличиваться.

Переход в старообрядческую веру открывал местным жителям путь к овладению русской речью и письменностью. До сих пор коми-язвинцы отличают родную речь от коми и коми-пермяцкой (разницу видят в фонетике и лексике) и русский язык, который социально более значимый, от речи соседнего русского населения. Русский язык коми-язвинцев сформировался как особое наречие, вобравшее в себя фонетические и морфологические черты родной речи. В познании русского языка видится высоко значимая роль старообрядчества для небольшой этнической общности коми-язвинцев — потомков Перми Великой.

Уже в первой половине XIX в. д. Пудьва и ее округа сделали достаточно крупным монашескующим центром со своим уставом в службе, быту, еде. Женщины пожилого возраста жили общезжительно, а мужчины — уединенно в дремучем лесу.

В наши дни в центре д. Пудьва еще стоит в запущенном состоянии здание главной женской обители. Нижнее помещение использовалось для проживания, а верхнее — для молитв. Возле молельни находилась звонница с 4-5 колоколами на 4 столбах. По словам старожилов В.П. Паршаковой (1910 г.р.) и Ф.Е. Паршаковой (1914 г.р.), здание обители и дом для игуменьи Серафимы в начале 1890-х гг. строил парходчик г. Чердыни Г.М. Лунегов. Некоторые

послушницы проживали в специально построенных домах на берегу р.Пудьвы. Когда приезжал священник из верх-язьвинской д.Антипина, Нижнего Тагила или Самаро-Саратовского Поволжья, на службу собирались многие жители деревни и округи. Наибольшее число паломников и гостей съезжалось в Крещение и Троицу.

Обитель имела пахотные и сенокосные угодья, домашний скот. «Монахини, — как писал очевидец, — это в полном виде крестьянские труженицы, работающие в свободное от службы время в полях наравне со всеми крестьянами. Все здесь просто и патриархально. Люди хотят молиться по-своему и в поте лица своего добывают хлеб насущный...»⁴.

Женщины Пудьвинской обители служение миру молитвой и добром сочетали с чрезвычайно благородным делом — обучением местных детей грамоте. Просторное помещение молельни, восточная сторона которого была занята большим набором деревянных и медных икон, одновременно использовалось под школу. Здесь монахини в свободное время обучали детей церковнославянскому чтению и письму. Кроме того, занятия вели по домам. Так, матушка Маргарита (в миру Марья, родом из д.Антипина) учила детей в течение 30 лет в небольшом своем доме недалеко от обители. С осени до весны изучали азбуку, Псалтырь, счет. Дети приходили на занятия с «пажной» — обедом. По окончании обучения возвращались в свои деревни. Их считали уже грамотными, так как они умели читать, писать, толковать жития святых, исполнять каноны по умершим, советовать правильно выбрать имя новорожденному. Для многих детей обучение в д.Пудьва являлось единственной возможностью стать грамотным человеком. В наши дни в верх-язьвинских деревнях можно встретить еще не мало людей, которые помнят своих пудьвинских учителей.

Славилась Пудьвинская обитель певческим искусством. «Желание петь было у многих и было у кого учиться», — вспоминают старожилы в наши дни. Много лет учил петь по крюкам уроженец д.Гари Кузьма Леонтьевич Травников. Сначала изучали «голоса тонов», потом «пели ирмоса» и «вытягивали по солям». Из последних певчих жители помнят П.М.Антипина из д.Ветлянка, П.И.Пьянкову из д.Пьянкова, П.Д.Бычина из д.Ванина, И.И.Паршакова, Е.Г.Паршакова, У.Е.Паршакову из д.Пудьва.

У Пудьвинской обители есть еще одна, к сожалению, последняя страница истории. Священником Г.М.Мальцевым, приехавшим в

д. Пудьва из г. Усолья в 1925 г. и вскоре рукоположенном в Москве, помещение молельни было преобразовано в настоящий храм. Освящать его приезжал владыка Пансофий. Здесь по церковному уставу служба шла с 1926 по 1929 гг. Несмотря на разрушения, начавшиеся с закрытием храма, жителям удалось спасти многие иконы, книги и даже царские врата и впоследствии передать в Никольскую старообрядческую церковь в д. Сюиб (с середины 1940-х гг. названа д. Ванькова), в которой их можно увидеть в наши дни.

Прежде существовавший женский монастырь в 4-х км от д. Пудьва был сожжен стражей. Инокини Арина и Прасковья погибли в тюрьме. Взамен его в 6 км от д. Пудьва возникла другая обитель. В обиходной речи она получила названия «дальние старушки», «старушечье жильё», так как память о ранней общежительной жизни осталась в названии «ближние старушки». По информации старожилов в 1920-е гг. здесь проживало до 20 «накрытых старух». В воспоминаниях чаще всего называются имена игуменей Ольги, Паисии и Пахомии, при которой в начале 1930-х гг. обитель прекратила существование. «Мать Пахомию сильно трепали за золото и увезли в Чердынь, где она и умерла».

Женская обитель имела избу для молений, небольшие дома-кели, амбары, дворы для скота. Дни проходили в молитвах и послушаниях. Здесь пахали, сеяли, ухаживали за скотом. Дрова заготавливали сообща миром. На высоком красивом месте находилось кладбище. Еще в 1960-е гг. было заметно до 70 могил с крестами и столбиками.

Отдаленная обитель играла роль богадельни. Из верх-язвинских деревень, Соликамска, Чердыни, Нового Усолья, Добрянки, Чермоза сюда привозили на «спокой» и «доживание» пожилых вдовых женщин. За ними хорошо ухаживали до последних дней жизни. За содержание родственники рассчитывались продуктами, одеждой, иногда вносили денежные вклады. По праздникам в обители собиралось большое число родных и близких.

Самостоятельными монастырями являлись скиты подвижников-монахов в уединенных местах на расстоянии до 10 км от д. Пудьва. Жители называли их «жилем». Здесь жили черноризцы, иноки и даже схимники. Некоторые проходили здесь все стадии монашеской жизни. Например, из с. Ильинского прибыл и стал в 18 лет черноризцем Ефимий, потом он перешел в иноки под именем Епифаний, а после

стал схимником Ефремом. Многие жили подолгу и остались в народной памяти как истинные духовники и праведники. Так до сих пор вспоминают схимника Леонтия, к которому «много мужиков ехало, так как сильно хорошо он вел исповедь. На исповедь шли со слезами, и Леонтий плакал. Поэтому его одолели мужики. Жилье было по р. Мель, возле камня стояла избушка. Отсюда он уехал на Кавказ». В 7 км находилось Фирсово жилье. Фирс имел небольшую кузницу и из кусков железа делал жителям д. Пудьва чашки и котелки. На берегу Меля черноризец Герасим, родом из д. Пудьва, жил в небольшой избушке с очень скромной обстановкой. По воспоминаниям Ф. Г. Мальцева (1922 г. р.), «в избушке был деревянный стол, несколько икон. Спал Герасим на досках, стелил только тряпки, под голову клал полено. Иногда надевал вериги, чтоб бес не искушал». Последний инок Макарий, родом из с. Новое Усолье, доживал свой век в д. Пудьва, скончался в 1982 г. на 94-м году жизни.

Некоторые монахи не только исповедовали, но и причащали священными дарами. Миро, кисточки, хлеб хранили в стенных нишах за иконами. За священными дарами и с записочками-поминальниками для заочного отпевания умерших крестьян периодически выезжали к святым отцам в Нижний Новгород, Москву, Самару, Вольск.

Для жителей Пудьвы и ее большой округи святым местом стал Вылом. Так называли уединенное место в дремучем лесу в 20 км от д. Пудьва. Местное предание гласит, что жили здесь три инока, одного звали Игнатий, другого Сергей, имя третьего позабыто. Возможно, здесь находился один из тех скитов, которые основывали нижнетагильские старообрядцы. Могила инока Игнатия была отмечена часовней. Паломничество к мощам Игнатия и роднику, вытекающему из-под них, началось давно. Ходили туда «утугами» — большими группами, собиралось более сотни человек из русских и коми-язвинских деревень. В пути ориентировались по затесям на деревьях. 4 июля собирались в д. Пудьва и шли на день памяти Игнатия — 5 июня. В часовне совершали панихиду по Игнатию, а водой из ручья мыли тело, глаза. Каждый набирал «выздоровительную» воду в туюсок, бутылку и уносил домой. Последний раз в Выломе собирались в начале 1930-х гг. Крест на могиле Игнатия стоял еще в 1950-е гг. К сожалению, святой Вылом теперь никто не может посетить. Давно

умерли «путеводители» — знатоки тропы, и лес давно вырубил местный леспромхоз.

Более 200 лет назад началось духовное обживание пудвинских мест. Вслед за корнями духовными пошло хозяйственное освоение. Здесь повторилось явление типичное для Европейского Севера, как на Соловках, в Кириллове, Ферапонтово. Пудьва длительное время оставалась очагом русской культуры в большой североуральской округе. Нынешние ее жители говорят, что «Пудьва раньше была в честе. Жили справно. Бедно жил только один Антон. Многие держали строшниц. Брали их из верх-язьвинских деревень на срок от Пасхи до Покрова, некоторые оставляли до Казанской и на всю зиму. Строшницы «выряжали» хлеб, шерсть, одежду».

Пудьва вдохновляла многим — духовными подвижниками, святым Выломом, возможностью получить грамоту и хороший заработок и успокаивала народной мудростью, заботливой старостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.2374. Л.623 — 626.

² Белдыцкий Н.П. Из природы и быта Пермского края // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып. II. С.38.

³ Обзорение пермского раскола так называемого старообрядчества, составлено А.П. СПб., 1863. С.39 — 41.

⁴ Белдыцкий Н.П. Из природы и быта Пермского края... С.40.

